

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М17

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коробейникова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Макс Мах

М17 Эпоха мечей: Короли в изгнании. Времена не выбирают. Время жить, время умирать: сборник / Макс Мах. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 832 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-133595-3

Если существует дверь, то, возможно, она открывается с обеих сторон. И если есть два ключа, то почему бы не быть и другим? Посетив иные реальности, Виктор и Макс дали толчок новой цепи событий, ведь если ты зашел к кому-то в гости, следует ожидать ответного визита. Так устроен человеческий мир, таковы его законы. Приключения героев романов «Квест империя» и «Короли в изгнании» продолжаются. Им и их друзьям предстоят захватывающие приключения тела и духа на трех Землях, в космосе и во времени, потому что роман «Времена не выбирают» — это еще и книга о времени и о судьбе. И о том, что время, несмотря на все свое могущество, не всесильно, потому что есть в этом мире нечто, что сильнее времени и пространства, судьбы и обстоятельств. Это Любовь, Дружба, Честь и Долг, и пока они существуют, человек непобедим. Это главное, а остальное — всего лишь роля в кустах.

Итак, квест продолжается, и наградой победителю будет не только империя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133595-3

© Макс Мах, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

КОРОЛИ В ИЗГНАНИИ

Он ищет не любовниц, не вина,
Но многие края и племена
Изведает беглец неутомный...

*Дж. Байрон.
Паломничество Чайльд-Гарольда*

Увы, Любовь, весь мир в твоих руках:
Ты — слабых власть и сильных укрощенье!

Дж. Байрон. Дон Жуан

О походах наших, о боях с врагами
Долго будут люди песни распевать.
И в кругу с друзьями часто вечерами
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать...

И. Френкель

От автора

Автор обращает внимание читателей на тот факт, что в целях сокращения количества сущностей, с которыми приходится иметь дело, везде, где это возможно, используются земные аналоги представителей животного и растительного царств, а также социальных, культурных, религиозных и экономических явлений и понятий в применении к иным мирам и народам, их населяющим.

Отдельно следует сказать несколько слов относительно личных имен и части географических названий. Как часто случается и в земных языках, перевод имен собственных невозможен в принципе. Но и то, как произносится имя на том или ином языке и как оно звучит, скажем, по-русски, «две большие разницы». Так, например, следует иметь в виду, что верхнеаханский — так называемый блистательный — диалект общеаханского литературного языка включает 18 йотированных дифтонгов — гласных звуков (типа я, ё, ю). Кроме того, имеются три варианта звука й и 23 гласных звука (типа а, о, у), различающихся по длительности (короткий, средний, длинный, очень длинный). Соответственно, то, что мы, к примеру, можем записать и произнести по-русски, как личное имя Йя, есть запись целой группы различных имен. В данном случае это четыре личных имени, три из которых женские, а одно — мужское, и еще два слова, одно из которых существительное, обозначающее местный кисломолочный продукт

на северо-западе Аханского нагорья, а второе — глагол, относящийся к бранной лексике. Соответственно запись имен и географических названий, данная в тексте, есть определенная форма графической и фонетической (звуковой) условности.

Другая трудноразрешимая проблема касается отдельных религиозных, исторических и литературных реалий миров империи. Автор решает ее некоторым количеством сносок в тексте.

Глава 1

ВЕРБОВКА

— Здравствуйте, Игорь Иванович, — сказал за спиной Кержака нежный женский голос.

Кержак не остановился и не обернулся. Он сделал как бы по инерции еще два-три шага и только после этого начал медленно поворачиваться на голос. Голос окликнувшей его женщины ему не понравился. Не то чтобы голос был неприятный или интонации какие-то особые, угрожающие, например. Напротив, хороший это был голос, чистый, красивый, но не *здешний*, «не тутошний», и интонация как бы не сегодняшняя, не обыденная. Так, наверное.

Поворачивался он медленно, всем телом, по-стариковски. И то сказать, в его возрасте вполне легитимно. Между тем и женщина проявила завидное терпение, удивительный такт или, может быть, выдержку и ничего к сказанному ранее не добавила, а стояла там же, откуда окликнула Кержака, и молчала.

Игорь Иванович мазнул взглядом вдоль улицы и углядел припаркованный неподалеку «ауди» с тонированными стеклами и примечательной парочкой, курившей у открытой водительской двери. И опять же, как и с голосом окликнувшей его женщины, имело место вопиющее нарушение стандарта, принципа, стиля, если хотите. Ведь у нас как? Если «ауди» последней модели, то и персонажи у этой оперы должны быть узнаваемые, свои. Быки, скажем, или солдаты. На худой конец, «джентльмены» в траурных тройках, но не две барышни невиданных даже в нынешней скоробогатой Москве статей. Высокая брюнетка, судя по первому впечатлению, Шемаханская царица на каникулах, во всем черном, и невысокая блондинка в белом и голубом («Вот

тоже мне израильская патриотка нашлась!»), скандинавское происхождение которой только что на лбу у нее не было написано большими такими рунами.

«А пожалуй, что темненькая и не азиатка вовсе, — догадался Кержак, упираясь наконец взглядом в женщину, которая с ним поздоровалась. — Русская она. Вот черт!»

Перед ним стояла высокая, на голову выше Кержака, которого за глаза называли карликовым сибиряком, рыжеволосая женщина в костюме из светло-коричневой замши. Зеленые глаза с насмешливым интересом наблюдали за маневрами Игоря Ивановича, и он с неудовольствием понял, что дамочка видит его насквозь.

«Вот же тварь!» — зло подумал Кержак, ответно рассматривая неведомую диву. Была она не просто красива, а вызывающе, запредельно хороша. И все было при ней, и рост, и стать, и внешность не рядовая, и что, пожалуй, важнее и того, и другого, и третьего — стиль. И еще кое-что углядел Игорь Иванович, прежде чем произнес на автомате дежурное: «И вам здравствуйте, барышня, коли не шутите». Поза. То, как она стояла, как было расположено в пространстве ее тело, — положение рук и ног, наклон головы — все выдавало бойца высочайшего уровня. Но среди женщин Кержак бойцов такого класса до сих пор не встречал.

Рыжая стерва улыбнулась Кержаку и сделала пару шагов навстречу. В буквальном смысле, перетекла с одного места в пространстве улицы в другое, продемонстрировав Игорю Ивановичу такую технику, которую опытный Кержак в жизни не видывал и увидеть не предполагал. И вдруг преобразилась. Он не успел даже понять, когда и как это произошло, но вот уже стояла перед ним обыкновенная, пусть и безобразно молодая и бешено красивая русская женщина, а не какая-то экзотическая птица нездешнего полета.

— Не бойтесь, Игорь Иванович, — сказала она, и тень улыбки коснулась ее полных губ.

— Пустое, — неискренне ответил Кержак, который на самом деле был готов сейчас к любым неприятностям, в том

числе и крупным. — Я свое уже давно отбоялся. Позвольте полюбобпытствовать...

— Позволяю, — царственно улыбнулась женщина. — Называйте меня Катя.

Эта женщина была изменчива, как речная гладь под облаками. Она все время менялась, представая перед Кержак-ом то такой, то эдакой, но никак не давая ему себя понять.

— Катя, — повторил Кержак, как бы пробуя имя на вкус, и пришел к выводу, что оно липовое.

— Катя, — подтвердила женщина. — У меня к вам дело.

— Дело, — кивнул Кержак, не успевший еще решить, что бы все это могло значить, и соответственно не выбравший подходящей тактики.

— Вам привет от Федора Кузьмича, — сказала Катя, и Кержак почувствовал, как моментальной болью свело желудок.

Ему стоило огромных усилий — в его-то возрасте! — справиться с потрясением и не показать собеседнице, что она сумела-таки взять его за «мягкое».

— Это какой Федор Кузьмич? — спросил он с видимостью заинтересованности в голосе. — Чугуев? Или Кобзев?

— Нет, — снова улыбнулась Катя, вот только глазищи ее зеленые стали вдруг пристально внимательными. — Суздальцев.

— Помню, — спокойно сообщил Кержак (а боль между тем начала медленно охватывать грудь, и застучало в висках). — Был у него на похоронах в семьдесят первом. Достойный был человек.

— Да, Федя чудо, — согласилась с ним Катя. — Игорь Иванович, вы уверены, что вам не стоит принять лекарство?

— Благодарю вас, Катя, — сухо ответил Кержак. — Это лишнее. Я чувствую себя превосходно.

На самом деле он чувствовал себя отвратительно. Вот только показывать этого не хотел. Не мог. Не привык.

Кержак был одним из очень немногих людей, доподлинно знавших, что генерал Суздальцев не умер. Более того, именно он, Игорь Иванович Кержак — в ту пору молодой

энергичный подполковник — и «похоронил» генерала Суздальцева. Кержак был доверенным лицом Федора Кузьмича на протяжении многих лет, до и после мнимой кончины последнего. И если вначале старик тривиально держал его за яйца (потому что провалы такого уровня, какой по молодости и глупости допустил однажды Игорь Иванович, контора рассматривала как предательство, и обычно не без оснований), то позже Кержак вполне оценил своего шефа и работал на него уже не за страх, а за совесть. Из любви к искусству, так сказать.

Но все это кончилось однажды ночью, десять лет назад. Федор Кузьмич позвонил Кержаку на мобильный телефон, о существовании которого он один и знал, и спокойным голосом сообщил, что умер окончательно и в последний раз. И все. Исчез.

Утром стало известно, что дача Федора Кузьмича сгорела дотла, а еще через неделю примерно, по смутным и плохо поддающимся проверке данным, Федор Кузьмич, если, конечно, это был все-таки он, появился на подмостках действительно в последний раз. В компании невыясненных личностей числом от трех до пяти он прилетел в Питер из Мюнхена на частном самолете, зафрахтованном на имя леди Виктории Хаттингтон — старой английской аристократки, жившей в Греции, и... Дальнейшее тонуло в тумане неопределенности. Даже Кержаку — с его-то связями и опытом — так и не удалось узнать, что же на самом деле произошло в тот давний уже вечер в гостинице «Невский Палас». Определенно там произошло боестолкновение нешуточного масштаба. Но кто, как и почему перебил в гостинице массу служилого и очень неплохо обученного народа во главе с полковником Казиным, так и осталось Игорю Ивановичу неизвестно.

В определенных кругах, впрочем, циркулировали две передаваемые почему-то шепотом версии — чеченская и мафиозная, из которых ни одна не казалась Кержаку реалистичной. Но факт. Если Федор Кузьмич там все-таки и был, то после боя в гостинице он быть где-нибудь еще перестал.

Исчез. А учитывая возраст генерала, теперь, в 2010-м, привет от него звучал несколько странно.

«Из ада она проклюнулась, что ли? — с поразившим его самого ужасом подумал Игорь Иванович. — А что, если да?»

«Ну не из рая. Это точно», — обреченно констатировал он, припомнив мимолетно дела, которыми занимался при жизни Федор Кузьмич. Некоторые из дел, а именно те, о которых Кержаку было позволено знать.

— Да, Федя чудо, — сказала рыжая Катя.

— Ну и как он там? — кисло улыбнулся Кержак.

— Вашими молитвами, господин Кержак. Вашими молитвами. Помолодел, поправился. — Казалось, что женщина говорит серьезно.

— Допустим, — задумчиво протянул Кержак. — Серные ванны... то да се. Тепло опять же. Но вы, кажется, говорили о деле?

— Да, о деле, — кивнула Катя. — Мне нужна ваша помощь.

— Милая девушка, — сказал устало Кержак (силы вдруг покинули его, и он вполне почувствовал свои не очень здоровые семьдесят пять лет). — Вы знаете, сколько мне лет? Я не просто на пенсии, я *давно* на пенсии.

— Возможно, это даже к лучшему. — Женщина не шутила, она размышляла вслух. При этом ее глаза, казалось, проникали под его черепную коробку и читали там подробную летопись жизни Игоря Ивановича Кержака, написанную его собственным крупным и разборчивым почерком прямо на обоих полушариях головного мозга.

«Се ля ви, — подумал он с тоской. — Вот так живешь, грешишь, а потом приходит ангел смерти с зелеными глазами и передает привет от покойного начальника».

— Тогда излагайте, — сказал он, чтобы что-нибудь сказать.

— Мне надо сколотить небольшую армию, — как о безделице, сообщила ему Катя, снова ставшая «обыкновенной» женщиной.

«Воевать, значит, собрались. Котлы не поделили? — хотел спросить он. — Или дрова?»

Но сказал, естественно, другое.

— Всего-то делов! — усмехнулся Кержак. — Теперь, Катя, это не так уж и просто.

— Было бы просто, я бы к вам не обратилась, — объяснила она, как если бы речь шла о починке какого-нибудь электрического утюга.

— Лет десять назад, — сказал задумчиво Кержак, на самом деле вспомнивший те былинные годы. — А еще лучше, в середине девяностых... А теперь — увы. И я не тот, и страна не та.

— Не верю, — возразила Катя. — Вы только не обижайтесь, Игорь Иванович, но я вам не верю. Федя ясно выразился: «Кержак может все».

— Так и сказал? — Игорь Иванович удивлялся самому себе. Каким-то неведомым образом эта рыжая чертовка смогла втянуть его в совершенно невероятный, булгаковский какой-то, разговор. Вот и боль оставила, и спокойствие неведомо почему вернулось, и интерес нешуточный пророс на бесплодной, казалось, почве его старой души.

— Так и сказал?

— Так и сказал, — подтвердила женщина. — И потом, я к вам, Игорь Иванович, не за солдатами ведь пришла, а за командирами. Не может быть, чтобы вы так уж никого подходящего и не знали. А возраст — в пределах разумного, конечно, — и состояние здоровья препятствием для меня не являются. Главное, опыт и характер. Вы меня понимаете?

— Возможно, — сказал Кержак, мысли которого лихорадочно метались сейчас, как сумасшедший голубь, сдуру залетевший в комнату и ищущий путь назад, на свободу.

— Допустим, — сказал он осторожно, решив все-таки бросить пробный шар. — Вот есть такой полковник ВДВ Икс. Сорок восемь лет, без обеих ног, хронический алкоголик... Подойдет?

— Знания? Опыт? Характер? — быстро спросила Катя, и у Кержака снова скрутило кишки.

«Неужели да?» — веря и не веря, и страшась заглянуть во внезапно открывшуюся перед ним бездну, и страстно этого желая, подумал он.

— Боец, — сказал Кержак вслух. — Первоклассный. Полк доверил бы, не глядя. Бригаду тоже, но...

— Имя, адрес. — Катя не шутила. Впрочем, об этом Кержак догадался уже несколько минут назад. Но с другой стороны, он ведь только хотел ее спровоцировать, не так ли? И про Васю Никонова только потому и вспомнил. Ведь Вася давно и надежно был списан в безвозвратные потери, но эта тетка, похоже, так не считала.

— Вы серьезно?

— Вполне.

— Без ног.

— Это не ваши проблемы, господин Кержак.

— Литовченко, — севшим от напряжения голосом сказал Игорь Иванович, пытаясь дожать там, где, интуиции следуя, дожимать не стоило. — Спецназ ГРУ. Майор. Семь лет в отставке. Нет левой руки и глаза.

— Вы его рекомендуете? — Голос у Кати стал теперь насквозь деловым.

— Рекомендую. — Кержаку снова стало трудно дышать.

«Помру сейчас», — обреченно подумал он и полез в карман за таблетками.

Женщина терпеливо ждала, пока он проглотит крохотную таблетку и сунет другую — валидол — себе под язык.

— Он... — Кержак с трудом проглотил мятную горечь слюны. — Он действительно вас послал?

— Нет. — Женщина правильно поняла его вопрос. — Он занят сейчас. Немного.

Какая-то тень или тень тени стремительно пробежала по ее лицу, промелькнула и исчезла. И снова ее лицо выражало только безмятежный покой.

— Но он много рассказывал о вас, Игорь Иванович, а мне как раз срочно понадобилась помощь.

Странно, но именно такой ответ направил мысли Кержака в неожиданном, но вполне определенном направлении,